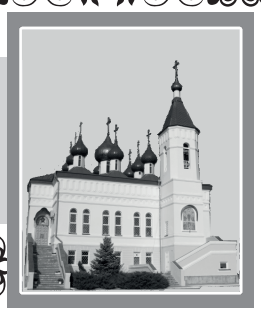
Еженедельное издание церкви Покрова Пресвятой Богородицы г. Тирасполь № 52 (445) 30 декабря 2017 г.

ПОКРОВСКИЙ ЛИСТОК



СЛОВО ПАСТЫРЯ

Один из механизмов нашей жизни, болезненно неизбежный, – узнавание её изнанки через страдания. То есть гуляет человек по улице большого города или сидит в тёплом доме у телевизора, или лепит снеговика с младшим сыном. Всё хорошо. Но вот приходит в его жизнь болезнь. Она может прийти к тебе самому или к тому, кого ты любишь. И ты погружаешься в совершенно другую реальность. Попадаешь в больницу, видишь очереди больных людей, забеганных, замученных врачей, получающих, кстати, не очень большие зарплаты, которые обязаны всех любить, но на это души не хватает.

Попади в ожоговое отделение – там у тебя прямо душа задрожит от этих всех ран, которые на людях, обварившихся кипятком или ударенных током. Попади в травматологию – там от этих поломанных рук-ног и от запаха гипса у тебя тоже закружится голова.

Ты попадёшь в какой-то параллельный мир. И этих людей будет очень много. Ты опять выйдешь на улицу – и снова увидишь, что всё нормально. Зайдешь туда, увидишь – всё не нормально. И это терапия такая вот, терапия болью, лечение болью.

Это очень важная вещь для того, чтобы знать, что мир – не только глянец. Как-то нам настырно глянец подсовывают под нос, и на глянце все белозубые, все успешные, все богатые, все, так сказать, подкачанные в фитнес-залах. И все не боящиеся будущего, потому что у них в душе много лет. Значит, ешь, пей, веселись. Это глянец, глянец жизни. И он как-то привыкает к человеку, и человек к нему, прилипает к сознанию.

Вот так люди смотрят на жизнь.

Но вдруг беда выдёргивает человека из привычного состояния. Например, у мамы заболел ребенок. Ребенок маленький, который без неё не может быть в больнице. Она попадает в больницу, где тысячи сумасшедших мам, которые уже на грани отчаяния от того, что дети болеют. А нужно и день для этого, и всё. Они как взаперти, как в тюрьме, в этих больницах сидят, ходят по коридорам, и так далее. И человек удивляется: Боже, другая какая-то жизнь совсем. А для чего это всё?

А есть ещё дома престарелых, которые безрадостнее, чем тюрьма. Потому что из тюрьмы есть надежда выйти. Из дома престарелых – нет. Есть хосписы, которые могут быть зализанными, красивыми и чистыми. Но они похожи на дома престарелых, потому что из них только один выход, только в одну сторону.

Есть те самые тюрьмы, которые вообще параллельный мир. А там тоже миллионы людей. Людей. Не скотов и не демонов, а людей.

Какой вывод из этого всего, что это вообще? Мы хотим глянца, и глянец нам навязан, он к нам прилип. Что не удивительно. На самом деле, рядом с нами, справа и слева от нас, протяни только руку – страдающий мир. Мир – это рана. Как у Тарковского пишется: «Не я словарь по слову составлял, а он меня лепил из красной глины. Не как Фома, я вкладывал персты в зияющую рану мира, но рана мира обошла меня. И жизнь жива помимо нашей воли».

То есть вокруг тебя рана мира. То есть мир – это рана. До времени мы об этом не знаем, и знать не хотим. Иногда просто закрываем… А на самом деле, мир – это рана. И вывод из этого неприятно сказанного заключается в следующем: если я выздоровлю, Господи, если Ты меня спасешь, если я выйду на волю, если выздоровеет любимый мой человек, если мои дети будут бегать и прыгать по лужайке, как прежде и так далее, то я теперь не забуду уже о том, что есть страшная жизнь. Что кроме глянцевой жизни, к которой все стремятся, есть жизнь страшная и тяжёлая. Что там есть слезы, есть бедность, есть одинокость. И я теперь буду помогать этим людям.

Если Ты меня вылечишь, если Ты меня поднимешь, если Ты мне поможешь, то я теперь не буду жить так, как будто этого всего нет. Я буду жить так, чтобы помнить, что в такой подобной беде, в какой я был, или была, – много-много людей, и они там остаются. Им нужна или протянутая рука, или какая-то собранная копейка благотворительная. Им нужно, может, лекарство, или поцелуй в лобик, или вытертые слезы, или молитва. Но им нужно много, в конце концов. А я об этом не знал. Ну, не знал.

Часто мы спрашиваем: а зачем в мире так много беды? А ты мне скажи, как без беды, вообще, чужую беду пожалеть? Это не моя беда, она мне как бы до лампочки. А вот если это моя беда, и я теперь помню об этом, и у меня появляется возможность сострадания, возможность сопереживания, возможность деятельной любви к страдающему человеку. Этим пронизано очень много текстов. В том числе, текстов литературы.

Например, Антон Павлович Чехов говорил, что у двери, за которой живет счастливый человек, должен стоят человек с молоточком и, регулярно стуча в двери дома счастливого человека, напоминать ему о том, что ты-то сейчас счастлив, а кроме тебя в этом мире многие несчастливы. Такая священная фраза, я бы сказал, находится в россыпях различных фраз, вышедших из-под руки Антона Павловича. Вот человек с молоточком. И пока человек лично не испытал что-либо…

Почему, например, важно парню в армии отслужить. Потому что вкус хлеба, цену свободного времени и многое другое познаёшь ты только тогда, когда ты лишаешься привычной домашней пищи, постоянно занят, постоянно под окриком командира. И тогда ты начинаешь по-другому оценивать окружающий мир.

Одним словом, у беды есть свой смысл. Поэтому от беды не отвернешься и не убежишь, беду можно только пройти насквозь вперед.

Я желаю мужества всем, у кого беда есть. Но я желаю сострадания всем тем, у кого беда была и прошла. Она была у вас для того, чтобы вы не забыли о ней, и жалели тех, кто сегодня находится в том, в чём когда-то были вы и плакали.

Протоиерей Андрей Ткачёв

Вопросы священнику

Как делать дела, а не строить планы?

Когда нам предстоит совершить какое-нибудь дело, надо сначала подумать, насколько оно согласуется с евангельскими заповедями и внутренним голосом нашего сердца, а потом решать, исполнить его или отказаться; а если исполнить – то какими средствами, чтобы приобрести, а не потерять благодать.

Все надо начинать с молитвой к Богу, а самому прилагать волю и энергию. Если дело не получится – не скорбеть, а положиться на волю Бога, Который все устраивает к лучшему. По окончанию дела, независимо от его результата, следует поблагодарить Бога. Составлять планы на далекое будущее – не следует, так как каждый день вносит в наши дела свои коррективы.

Муж сердится на меня, что мы мало ходим в гости, что я не разделяю празднование нового года…

Вопрос о праздновании нового года не относится к вероисповедальным проблемам. Новый год – гражданское установление. Церковь благословляет своими молитвами начинающееся новолетие. Дата нового года исторически менялась: вначале он праздновался 25 марта – в день Благовещения; затем 1 сентября – с этого дня начинается годовой круг храмового богослужения; а три века тому назад новый год был перенесен на 1 января, когда в древнем Риме начинались календы – избрание консулов. В связи с различной датировкой григорианского и юлианского календарей новый год одни отмечают 1 января, а другие 14 января по новому стилю. Поэтому из-за нового года не стоит делать в семье проблем. Только надо самой в день нового года, приходящегося в Рождественский пост, воздерживаться от скоромной пищи.

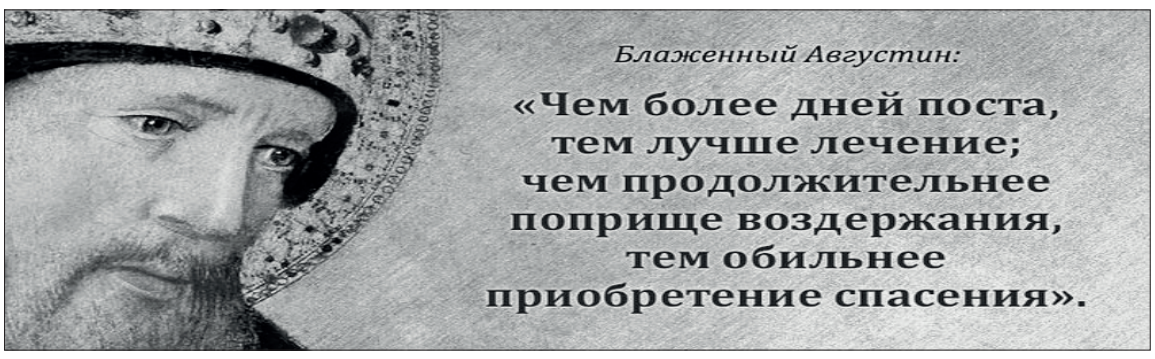
Я стала замечать, что соблюдение мною поста очень задевает мое руководство. Они другого вероисповедания (иудеи). Я никак не афиширую, никого не агитирую. Но у нас приняты совместные обеды. И как только начинается пост, то меня непременно спрашивают: «Ты постишься или нет?» Не понимаю, почему это так волнует посторонних людей. Стоило мне заболеть, как сразу сказали: «Это все от твоих постов». Кроме того, почти все корпоративные вечеринки (Новый год, 8 марта и пр.), как правило, тоже выпадают на пост. Какую тактику поведения Вы мне посоветуете? Скрывать или нет, что пощусь?

Не надо афишировать, что вы поститесь, но, с другой стороны не надо стыдиться, что вы исполняете уставы Православной Церкви. Большинство иудеев не нарушают пищевой запрет во время иудейского пасеха и употребляют вместо квасного хлеба мацу, а значительное число их всегда употребляет кошерную пищу. Когда я был в Иерусалиме на Пасху, то в предшествующие ей дни иудейского пасеха, приходящего на Страстную Седмицу, в гостиницу нам не разрешали вносить квасной хлеб. Неужели христиане должны быть менее принципиальными в исполнении канонов и правил Церкви? Я думаю, что здесь надо проявить твердость и прямо сказать, что вы соблюдаете пост и это дело вашей религиозной совести, а не коллективного обсуждения.

Я работаю начальником отдела в частной компании. Посты соблюдаю около года. Передо мной дилемма – празднование нового года в кафе с сотрудниками, как заведено на многих предприятиях. Отказалась было – мои подчиненные расстроились, что не иду. Решилась пойти на часок, ограничившись постной пищей и бокалом вина, но испытываю чувство вины, что нарушаю пост. Как найти эту грань между любовью к ближнему и соблюдением поста?

Я думаю, что если вы встретите новый год вместе с сослуживцами и ограничитесь при этом постной пищей, то вы не согрешите. Облегчить пост по обоснованной причине или нарушить пост – не одно и то же. Что же касается грани между любовью к ближним и соблюдением поста, то здесь надо прислушаться к голосу собственной совести. Вряд ли можно найти твердые правила при разнообразных и меняющихся ситуациях; во всяком случае, вы можете объяснить, что соблюдаете пост, и сократить время вашего визита.

Архимандрит Рафаил (Карелин)



НОВОСТИ

25.12.2017. Митрополит Волоколамский Иларион (Алфеев): «Через 30 лет в России может быть в два раза больше храмов».

26.12.2017. Глава УПЦ МП готов лично крестить каждого пятого ребенка в украинской семье. Митрополит Киевский и всея Украины Онуфрий заявил, что готов совершать таинство крещения над каждым пятым новорожденным в семьях православных христиан, сообщает сайт Украинской Православной Церкви. «Отвечая на вопрос о тофм, сколько детей должно родиться в семье священника, чтобы таинство крещения над ними совершал сам блаженнейший владыка, он ответил: «Если вы хотите такую традицию, я не против. Я думаю, нам нужно пятого (крестить – ред.)», – говорится в сообщении. Предстоятель Грузинской Православной Церкви совершает крещение над каждым третьим ребенком, при этом «он не идет в роддом, а собирает всех детей и крестит их одновременно».

27.12.2017. Обмен пленными в Донбассе был бы невозможен без помощи президента РФ и Церкви. Лидер общественного движения «Украинский выбор – право народа», представитель Киева в гуманитарной подгруппе контактной группы Виктор Медведчук поблагодарил президента России Владимира Путина, Патриарха Московского и всея Руси Кирилла, главу Украинской Православной Церкви Московского патриархата митрополита Онуфрия и глав провозглашенных республик Донбасса за содействие в состоявшемся 27 декабря обмене пленными.

28.12.2017. Посол России в Ватикане отметил возросшее доверие между двумя странами.

29.12.2017. Зрители ТВ-шоу «Голос» в финале конкурса смогут помочь службе «Милосердие». «В эфире Первого канала 29 декабря пройдет финал шоу «Голос», по итогам которого определится победитель проекта. Доход Первого канала и других партнеров, собранный в ходе зрительского голосования в эту пятницу, будет перечислен православной службе помощи «Милосердие», – сказала пресс-секретарь службы Дина Скворцова. Ранее руководитель православной службы епископ Пантелеимон (Шатов) заявил о том, что «Милосердие» оказалось в серьезном финансовом кризисе и некоторые проекты службы помощи находятся на грани закрытия.

«Ведро незабудок» и другие рассказы Александра Богатырева

Продолжение. Начало в № 7 (400)

Она взглянула на меня все с той же улыбкой и, как будто продолжая только что прерванную беседу, радостно сказала: «Какое счастье, что в нашем парке есть скамейки».

– Да, действительно, – поддакнул я и неожиданно для самого себя сел рядом с ними. – Не возражаете, если я посижу с вами?

– Ну что вы. Я рада. И Семушка рад. Правда, Семушка? – она наклонилась над мальчиком и поцеловала его в висок. Тот сидел, безучастно глядя перед собой.

– Какая красота, – вздохнула она и посмотрела мне в глаза.

Я отвел взгляд и поддакнул. В ее бездонных глазах было что-то завораживающее. Мне было неловко, словно я обманывал ее.

– А как хорошо, что рядом Нева. Я не смогла бы жить в другом районе. Скоро листья станут золотыми. Вы любите осень? – неожиданно спросила она.

– Наверно, нужно ответить: «Да, очень люблю». И тут же добавить: Пушкин не зря любил «пышное природы умиранье».

– А, вы, наверно, поэт. Я так и думала.

– Нет, сударыня, прозаик. Страшно прозаическая личность.

– Неправда, вы себя не знаете. Либо кокетничаете.

– Нет, правда. Я люблю лето. Люблю купаться в море. Что может быть прозаичнее! Теперь еще и для многих наших земляков эта проза стала недосягаемой.

– У лета своя поэзия. Только современные передельщики мира сделали ее слишком буржуазной. Из детской радости поплескаться в воде сотворили идола. Солнце и море превратили в какие-то культы Ярилы и Посейдона.

– Хорошо сказано. Вы, наверно, поэтесса, коли чувствуете собратьев по цеху.

– Нет. Я простая школьная учительница литературы. Сама писала стихи лишь в ранней юности. Но я чувствую людей. И знаю, почему вы целых три года не решаетесь заговорить со мной. Я даже знаю, что вас зовут Александром.

При этих словах мне стало не по себе. Я посмотрел на нее и не успел открыть рта, как она, звонко засмеявшись, добавила:

– Я это точно знаю.

– Понятно, – промямлил я. – Литературу вы преподавали в школе. Но не в простой школе, а школе КГБ.

Она еще звонче рассмеялась.

– Я видела вас в лавре. 12 сентября и 6 декабря. В дни памяти Александра Невского. А коль скоро в другие воскресные дни вы в лавру не ходите, стало быть, вы именинник и Александр – ваш святой. Так что никакой вы не Эдуард.

– Почему Эдуард?

– Сама не знаю. Первое пришедшее на ум имя, которое никак вам не идет. Так что, Александр, позвольте представиться: я Ольга.

– Могли и не представляться. Вас никак иначе и не назовешь.

Я почему-то был уверен, что ее зовут именно Ольгой. Хотя она могла быть и Александрой, и Елизаветой. В профиль она немного походила на императрицу Александру Федоровну.

– И вы регулярно ходите в лавру?

– Да. Но на престольные праздники хожу и в другие церкви. Если удается упросить Лену посидеть с Семушкой.

– А кто эта Лена?

– Его мать. Моя дочь.

И Ольга все с той же улыбкой стала рассказывать о себе и своих близких. Первые минуты нашей беседы я чувствовал неловкость. Это было так похоже на забытую со времен молодости предамурную игру. Соседство красивой женщины волновало меня. Но по мере ее рассказа чувства мои менялись, и мне вдруг стало невыносимо жалко эту женщину. До рождения Семушки в их семье было двое мужчин. Когда узнали, что Семушка болен, первым сбежал муж дочери. А ее муж в несколько месяцев превратился в злобного алкоголика. Он и раньше не упускал возможности кутнуть с коллегами по работе. Но это случалось нечасто. А тут – каждый вечер. И самое ужасное, он стал бить ее и ее старенькую мать. Побои сопровождались диким ревом, угрозами убить и страшными проклятиями. Он обвинял Ольгу в том, что она сломала ему жизнь, что она перестала обращать на него внимание. Последний упрек, казавшийся ему главным, отчасти имел основание. Всю свою любовь и нежность она переключила на больного внука. Она вскидывалась по ночам, прислушиваясь к тому, как он дышит. Ей казалось, что он может с минуты на минуту умереть. Она сама не понимала, почему это маленькое слабое тельце заполнило ее сердце. Ни дочь, ни мать ей уже не были так дороги, как прежде. А муж, требовавший от нее супружеской нежности, стал просто невыносимым. Она видела в нем бесчувственное животное, понимая, что ему нужна прежняя жена, но быть ею уже не могла. Попытки объясниться с ним ни к чему не привели. Он требовал, чтобы дочь забрала своего «урода» и оставила их с матерью в покое. Но Лена не могла этого сделать. Она не могла оставить работу. Но главное – она хотела выйти замуж. Она была уверена, что не найдет мужчину, который мог бы ее взять в жены с больным ребенком. Ольга вынуждена была уйти с работы и целый день проводила с внуком. И чем больше проходило времени, тем дороже он ей становился. Когда он смотрел на нее своими поблекшими глазками, полными любви и страдания, ей казалось, что Сам Христос смотрит на нее. И ее сердце замирало. Ничего подобного она не испытывала, общаясь с дочерью, когда та была в младенческом возрасте. Она почувствовала присутствие Божие в ее жизни. В молитвенном чувстве, почти никогда не оставлявшем ее, она получила великое утешение и радость. С тех пор улыбка не сходила с ее лица. Люди принимали ее за чокнутую (она не раз слышала: так ее называли соседи), за блаженную. А она и впрямь ощущала себя блаженной от переполнявшего все ее существо блаженства. Никто не говорил ей о Боге. Он Сам позвал ее, и она услышала Его зов. Помимо молитвы – простой, своими словами – она стала ходить в храм. Потом она узнала об Иисусовой молитве и нашла еще большее утешение в этом коротком прошении: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя». Семушку (его назвали Симеоном в честь Симеона Богоприимца) она водила в храм в будние дни, когда было мало народу. Причащала его часто и надеялась на чудо: на то, что Господь исцелит его. Но помимо этой надежды, был еще и страх. А вдруг он, исцеленный, станет таким, как все. Вернее, как многие: грубым, как его дед и отец, как многие соседские парни. И она в страшной растерянности не знала, о чем просить Бога. «Господи, Ты Сам знаешь, что лучше для его спасения. И моего. Сделай так, чтобы после моей смерти ничего плохого с ним не случилось». И она стала мечтать о том, чтобы умереть с Семушкой в один день.

– Вы первый, кому я это рассказываю, – она неожиданно прервала рассказ.

Я не знал, как реагировать на это признание. Молча поцеловал ей руку. Несколько минут мы сидели молча.

– Неужели ваш муж не почувствовал того, что происходило в вашей душе?

– Почувствовал, – вздохнула она. – Беснования его усилились. Он несколько раз чуть не убил меня. Мне пришлось развестись с ним. Он иногда звонит и просит позволения вернуться. Но я не могу его видеть.

Мы снова помолчали.

– Не думайте, – вдруг встрепенулась она. – Он не был чудовищем. Мы не так уж плохо жили с ним. Он талантливый конструктор. Его ценили на работе. Просто он не выдержал испытания. Мало кто из мужчин остается в семье с больным ребенком. Мой зять, уходя от Лены, говорил, что мечтает о здоровом наследнике. А с Леной может повториться та же беда... Он даже извинялся и иногда приносит деньги для Семушки.

– А алиментов не платит?

– Нет. Лена заявила, что ничего от него не нужно. Он и успокоился. А редкие жертвы он приносит мне.

В это время мимо нас пробежали два мальчугана. Они захлебывались от смеха и толкали друг дружку локтями. Я посмотрел им вслед и перехватил взгляд Семушки. Он смотрел на меня настороженно и с тревогой. Это был его первый опыт терпения: бабушка так долго общается с незнакомым мужчиной. Не с ним, а с посторонним человеком. Но от этого человека не исходит опасность. Это он чувствовал и не знал, что с этим делать. Ольга заметила наши «гляделки» и крепче прижала внука к себе: «Все хорошо, Семушка». Но Семушка ей не поверил. Он стал постанывать, а потом захныкал.

– Да что с тобой! Видно, ревнует. Ну-ну-ну.

Ольга посадила внука к себе на колени, прижала к себе и стала убаюкивать, как маленького: «Успокойся. Дядя хороший. Он не обидит». Но Семушка стал вырываться, и хныканье превратилось в какой-то прерывистый гул со всхлипами. «Ну, хорошо. Пойдем домой», – успокоила она внука.

Мы поднялись. Несколько шагов она проделала держа мальчика на руках. Потом опустила: «Тяжеленький. Нет уж у бабушки силушки...»

Она опустила внука на землю и тихо повела его за руку. Он затих и сосредоточил все внимание и силы на ходьбе: посапывая, с усилием передвигал ногами. Я протянул руку, но он отдернул свою и отвернулся.

– Ревнует, – улыбнулась Ольга.

И я вдруг вспомнил, что, рассказывая о своей жизни, она перестала улыбаться. Я впервые увидел ее серьезное лицо. Оно было очень красивым и одухотворенным. А теперь она снова робко улыбалась. Казалось, что она жалеет о своей откровенности и попросит у меня прощения. Она вдруг вскинула голову и, повернувшись ко мне, быстро проговорила:

– А мой муж мог быть и рыцарем. Он бывал галантным. Однажды принес мне целое ведро незабудок. Купил у бабушки возле метро. Я была очень тронута.

– Простите, незабудки – это такие маленькие, голубенькие?.. – растерянно спросил я.

– Да-да, – весело подтвердила она.

Господи, да такой тонкой, красивой женщине нужно розы носить огромными букетами... Незабудки... Целое ведро.

– Простите, а какие еще цветы приносил вам муж?

Ольга задумалась.

– Не помню. Вообще-то он меня не баловал...

Я проводил ее до самого дома. Семушку пришлось взять на руки и отнести на второй этаж. Он не сопротивлялся. Лежал безжизненно, отвернув от меня голову.

– Вообще-то он сам поднимается, – виновато улыбалась Ольга.

Распрощавшись, я побежал к метро. Дюжина пожилых женщин выставили прямо на асфальте плоды своих дачных трудов. Народ спешно проходил мимо, не задерживаясь и не глядя на выставленный товар. Я пробежал глазами по кучкам грибов, стеклянным банкам с домашними солениями, пучкам зелени и связанным веткам калины. Одна старушка стала уговаривать купить у нее огромную тыкву. В конце ряда я наконец увидел двух женщин с цветами. У обеих были хризантемы. Одинаковые, не очень пышные, в отличие от огромных голландских. Простые, осенние – те, что сажают почти у каждой дачи. У одной женщины оставалось два небольших букета по семь цветов. У другой хризантемы стояли в синем пластмассовом ведре. Обе наперебой стали предлагать мне цветы, расхваливая их достоинства. Я прервал их хвалебные оды и сказал, что куплю все и даже ведро. Хозяйка ведра опешила и стала что-то говорить о невозможности возвращения домой без ведра.

– Да что ты, Зин, – перебила ее соседка. – Выручай человека. Куда ж ему без ведра! Вон хозяйственный. Щас купишь новое, – она махнула рукой в сторону магазина.

– А за ведро заплатите? – недоверчиво спросила Зина.

Я молча протянул деньги.

Ольгин подъезд оказался запертым, а я не посмотрел, какой у нее номер квартиры. Пришлось поджидать кого-нибудь из жильцов. Я вырвал из блокнота лист и написал на нем: «Простите, Ольга, незабудок не было». Лист вложил в цветы.

Буквально через минуту к подъезду подошла девушка. Она с удивлением посмотрела на мое ведро и вдруг спросила: «Продаете?»

Я засмеялся и отсчитал ей семь хризантем. Она стала отказываться. И вдруг настороженно спросила: «А вы к кому?»

Я вздохнул:

– Не бойтесь. Я не маньяк. Маньяки ходят с букетами, а у меня ведро. Эти цветы прислали мальчику Семушке со второго этажа. Знаете такого?

Девушка радостно закивала.

– Вот ему и передайте.

– А что сказать? От кого?

– Скажите, что Андерсен просил передать.

– Андерсен?

– Да, Андерсен. Христиан.

– Хорошо, скажу, – сказала она совершенно серьезно.

– Имя у вас редкое. Христиан. Я запомню. А может, вы сами передадите?

– Да нет. Подарки должны приносить феи.

– Или Дед Мороз.

Она открыла дверь, я вручил ей ведро. Семь хризантем протянул ей: «Это вам».

– А не подумает ли его мама, что я сама взяла себе эти цветы?

– Не подумает. Она хорошо знает Андерсена.

Девушка кокетливо улыбнулась: «Пока-пока!»

А я зашагал к метро.

– Да, Дед Мороз. Именно дед. Дед – и никакой лирики.

Продолжение следует

ОТЕЧНИК

Сказал авва Исаия: «Апостол Павел в послании к Тимофею, сыну своему, говорит: «Аще с Ним, Господом Иисусом, умрохом, то с Ним и оживем; аще терпим, то с Ним и воцаримся. Аще отвержемся, и Той отвержется нас» (2 Тим. 2, 11-12). Кто же эти отвергающиеся Его, как не те, которые последуют плотской, греховной воле падшего естества, и наносят укоризну святому Крещению? Именем Господа Иисуса в святом Крещении даровано нам отпущение грехов; но враг наш, по зависти и ненависти к нам, опять связал нас грехом. Господь же наш Иисус Христос, ведая злобу демонов, которою они заразились против человека с самого сотворения его, приложил к дару Крещения дар Покаяния, действующий до последнего издыхания нашего. Если бы не было покаяния, не было бы и спасающихся».

* * *

«Страсти суть недуги души, ее язвы и струпы, отлучающие ее от Бога. Блажен тот, кто очистился от них. Он, как словесная овца, будет вознесен на жертвенник Божий и услышит глас Господа, преподающий вечную радость: «Добре, рабе благий и верный, о мале был еси верен, над многими тя поставлю: вниди в радость Господа твоего» (Мф. 25, 21)».

* * *

«Произволяющие исполнять свои плотские пожелания и не произволяющие уврачевать себя святым врачевством покаяния, чтоб соделаться чистыми и святыми, окажутся в час исхода своего из тела обнаженными, не имеющими на себе ризы добродетелей. Они низвергнутся во тьму кромешную, в которой заключен диавол, облеченный в одежду страстей».

ПРАВОСЛАВНЫЙ КАЛЕНДАРЬ

31 дек., вс. – Неделя 30-я по Пятидесятнице, пред Рождеством Христовым, святых отец. Мчч. Севастиа́на и дружины его. Свт. Моде́ста Иерусалимского. Прав. Симео́на Верхоту́рского. Сщмч. Фадде́я, архиеп. Тверского.

1 янв., пн. – Мч. Вонифа́тия. Прп. Илии Муромца, Печерского.

2 янв., вт. – Предпразднство Рождества Христова. Сщмч. Игна́тия Богоно́сца. **Прав. Иоа́нна Кроншта́дтского.** Свт. Даниила, архиеп. Сербского.

3 янв., ср. – Предпразднство Рождества Христова. **Свт. Московского Петра, всея России чудотворца.** Мц. Иулиани́и. Блгв. кн. Иулиани́и Вя́земской. Блж. Прако́пия, Христа ради юродивого, Вя́тского. Мч. Фемистоклея.

4 янв., чт. – Предпразднство Рождества Христова. Вмц. Анастаси́и Узореши́тельницы. Мчч. Хрисогона, Феодотии, Евода, Евтихиана и иных.

5 янв., пт. – Предпразднство Рождества Христова. Десяти мучеников, иже в Кри́те. Свт. Феокти́ста, архиеп. Новгородского. *Литургия не совершается.*

6 янв., сб. – Суббота пред Рождеством Христовым. Предпразднство Рождества Христова. **На́вечерие Рождества Христова** (Рождественский сочельник). Прмц. Евге́нии. *После литургии служится Великая вечерня с паримиями.*

Еженедельное издание церкви Покрова Пресвятой Богородицы г. Тирасполь. Главный редактор – настоятель храма архимандрит Василий (Карпов). Выпускающий редактор – иеродиакон Давид (Дьяченко). Наш адрес: г. Тирасполь, ул. Кутузова, 201. Тел.: (533) 2-46-97. Сайт: http://pokrovka-tiras.narod.ru/ Набор и верстка – на оборудовании редакции. Отпечатано в ООО «Теслайн» по адресу: г. Тирасполь, ул. Ленина, 7. Объем – 1 печатный лист. Тираж – 120 экз.

Уважаемые читатели! Просим вас не использовать газету в бытовых и хозяйственных нуждах! Да благословит вас Господь!